



НАТАЛЬЯ ДОРОШКО-БЕРМАН

ГАЛАТЕЯ

СТИХИ, ПЕСНИ

Наталья
ДОРОШКО-БЕРМАН

ГАЛАТЕЯ

СТИХИ И ПЕСНИ

Харьков
ФОЛИО
2001

ББК 84.4 УКР–РОС
Д69

Составление и предисловие
Красиков М.М.

Художник-оформитель
Захаров Б.Е.

Дорошко-Берман Н.С.

Д69 Галатея: Стихи и песни / Сост. и предисл. М. М. Красикова, худож.-оформитель Б.Е. Захаров – Харьков: Фолио, 2001. – 104 с.
ISBN 966-03-1501-5

В сборник вошли избранные стихи и песни Н. Дорошко-Берман (1952-2000), харьковчанки, умершей в Израиле после тяжелой болезни. Большая часть текстов публикуется впервые. При жизни Наташи вышла единственная тоненькая книга ее стихов «Песни» (М.: «Прометей» МГПУ им. В. И. Ленина; Свердловск: «Старт», 1991). Некоторые стихи печатались в «Антологии современной русской поэзии Украины» (Харьков, 1998, т. 1), а также в американских и израильских русскоязычных газетах.

Для тех, кто не прельщается в поэзии внешней мишурой и интеллектуальными изысками, а по-старинному ищет в ней прежде всего глубокого и точного выражения человеческих чувств, эта книга может стать настоящим другом и собеседником.

ББК 84.4 УКР–РОС

ISBN 966-03-1501-5

© Н. С. Дорошко-Берман, , 2001
© М. М. Красиков, составление
и предисловие, 2001
© Б. Е. Захаров, художественное
оформление, 2001

“И тишина есть пониманье...”

Среди Наташиных бумаг сохранился фрагмент автобиографии, который хочется привести полностью:

«В детстве, юности страдала: не могла обрести свой путь. Блаженный Августин как-то сказал, что ни в коем случае не хотел бы снова оказаться молодым. Грузинский философ Мамардашвили тоже поддерживает эту мысль и говорит, что не хотел бы вновь оказаться семнадцатилетним, потому что всегда существует опасность не нащупать свой путь, не распознать его. Меня на мой путь привели, казалось бы, случайности. Я не любила поэзию и не понимала ее, но так вышло, что мальчик из нашего класса ходил на литературный кружок во Дворец пионеров и позвал меня туда. Я уже заканчивала 10-й класс, на кружок мне ходить было некогда, но один раз решила пойти — и проходила туда почти все студенческие годы. Я закончила филфак пединститута, но с дисциплиной у меня не получилось, и я ушла в инженеры отдела информации. В 18 лет я первый раз попробовала написать стихи, но Вадим Левин их забраковал. В 22 года я попробовала было писать небольшие прозаические миниатюры, но моя подруга, писавшая очень хорошие стихи, их забраковала. Я была очень не уверена в себе и, наверное, больше бы никогда не попробовала писать, но, когда мне исполнилось уже 27 лет, я вдруг узнала, что в городе существует Клуб песни. Я решила, что песня — это не стихи, там мой голос скроет недостатки поэзии и решила опять попробовать писать».

Разумеется, это была иллюзия: недостаток поэзии не скроют ни голос, ни музыка, ни внешность исполнителя. И Наташа, слава богу, это скоро поняла. Но песня действительно оказалась ее стихией. Вольный широкий распев сам помог ей найти единственно верные слова. Хотя, с другой стороны, тяга к песенной традиции (причем не бардовской, а романсовой) не могла не грозить потерей поэтической индивидуальности.

К счастью, этого не произошло. Даже в традиционнейшем жанре романса, с его непременно атрибутами («калитка», «сад»), у Наташи встречаются и строчки, кажущиеся блестящей цитатой из русской песенной классики XIX столетия («Я ничего от вас не жду. Я просто жду вас») и типично современная парадоксальность:

*Для платонической любви
Вы так бесплотны...*

А самое главное — в каждом стихотворении вырисовывается совершенно незаурядный характер лирической героини, выстраивается

неповторимый лирический сюжет, рождается своя, незаемная интонация, эмоция, мысль.

Наташа потому, может, и не боялась старого словаря, традиционной образности — того, что наверняка многим покажется банальщиной, «штампом на штампе» (например, в стихах «Над глубокою рекою...», «Не проси, не буду рядом...», «Здесь, под небом высоким...» и др.), что слишком доверяла (возможно, напрасно) той природной силе, которая вызвала к жизни эти произведения, веря, что главное все равно скажется, не может не сказаться. Она, конечно, знала, что никто ей не поверит, «если правду свою не сыграешь как роль», но упрямо не хотела «заинтересовывать» читателя-слушателя дешевыми «заманками». Впрочем, даже самый искушенный эстет найдет в ее стихах целую россыпь незатасканных метафор, эпитетов и сравнений и насладится ритмическим разнообразием ее версификации.

И все-таки она, скорее всего, не создала себя ни поэтом, ни даже стихотворцем. Когда однажды во время домашнего концерта ее попросили для разнообразия прочитать одно стихотворение, она взмолилась: «Я не могу...» Поэзия, музыка, голос — только в этом триединстве мыслила она восприятие своих произведений. Высокая вариативность Наташиных песен (некоторые существуют в 5–7 вариантах) — не только следствие серьезной работы автора над текстом, но и свидетельство реальной жизни и ее песен: однажды зазвучав, каждая из них требовала права быть услышанной.

О чем же ее стихи? Если очень коротко — о любви (не столько неразделенной, сколько *н е р а з д е л и м о й*), о смерти (преждевременной), о предательстве (невольном), о детстве (близком и далеком, как летучий голландец).

Тема приближающейся смерти — одна из главных в Наташином творчестве, и отнюдь не только в последних стихотворениях. Но, разумеется, у нее, как у каждого настоящего поэта, стихи о смерти — это попытка преодолеть смерть, заковать ее, прорваться в бессмертие. И она, как всякий истинный поэт, уже в начале своего пути знала:

*...И потому не умираем,
Что горечь-речь по строчке пьем.*

Пьем, чтобы «вспомнить: был ты рыбой, которой Бог велел молчать».

Теперь, после Наташиного ухода, когда «тишина достигла абсолюта», понимаешь: не только «в молчаньи мудром зреет слово», но и в слове вызревает молчание, истинное слово всегда чревато молчанием, оно для того только и говорится, чтоб помолчали.

Каждый из нас оставляет после себя тишину. Не следы материальной или духовной деятельности, а именно тишину. И чем значительней и прекрасней жизнь, тем продолжительней и глубже тишина.

Все написанное и построенное рано или поздно может обесцениться и рассыпаться в прах. Но тишина — остается. Потому что она — единственное, что роднит бытие и небытие. Это — их общая территория, общий воздух. «И тишина есть пониманье» причастности каждого из нас этим двум мирам. Потому и поминают молчанием, что оно — знак понимания пограничности человеческого существования.

Вслушиваясь в пронзительную тишину, оставшуюся после Наташи, остро ощущаешь гулкость мирового пространства — как всегда, когда уходит хороший талантливый человек. Эта тишина не мертвая — живая. В ней — едва затихшее эхо Наташиного голоса, последнего аккорда ее гитары.

Как итог жизни у нее незадолго до смерти выплеснулись строчки:

*А хотелось всем назло
Свой мотив пропеть отлично,
Чтобы голос мой звучал
На небесной переключке.
Но расплачутся стихи
Строчек мутными слезами,
И швырнет меня судьба
Тишине на растерзанье.*

Стихи не расплачутся. Расплачутся, оставленные «тишине на растерзанье», те, кто близко к сердцу (а как иначе?) примут горестную судьбу поэта. А «на небесной переключке» голос Наташи прозвучит, непременно прозвучит — чисто и звонко.

*Не надо горевать. Осталось, что осталось.
До детства не доплыть, до смерти далеко.*

Михаил Красиков

* * *

Что может видеть человек,
Когда он над землею взмост?
На горле моря — руки рек
И небо, съеденное молью.
Мне эту песню стрекотал
Кузнечик, мудрый, словно Будда,
Как будто в мире нету тайн,
И я трава уже как будто.

* * *

Чтоб дух не обратился в прах,
Казалось, мы на все готовы.
Но нами снова правит слово,
И словом снова правит страх.
А мы отчаянно добры,
И слову мы всегда прощаем
Его трусливое молчанье,
Его блудливые пиры.
Но не дает забыть нам боль,
Что мы творим судьбу Вселенной
И что душа у нас нетленна,
Ведь не на миг нас создал Бог.
“Что в имени тебе моем?” —
Мы потрясенно повторяем
И потому не умираем,
Что горечь-речь по строчке пьем.

* * *

И ветер из полей,
И дали высоки.
На утренней поре
Зачем пишу стихи?
Признаться, ими я
Восполнить и не тщусь
Ущербность бытия,
Несовершенство чувств.
И все же должно петь.
К прибытию гонца
Боюсь я не успеть
Сказаться до конца.
Не испугаешь, смерть.
В тебе все та же даль.
Ты только дай мне спеть,
Поставить точку дай.

* * *

Дорога дальняя горька
И удивительно знакома.
Идти от дома и до дома
И от греха и до греха.
Но есть пути в иной предел,
Где все подвластно вдохновенью
И где дано стихотворенью
Переписать неверный день.
Да будут помыслы чисты,
Да будут замыслы безгрешны,
Когда, как спелая черешня,
Сорвется Слово с высоты!

Тоголь

Души мертвые сжигаю.
Пляшет снег, и пляшут черти.
А тебе, душа живая,
Сколько дней гореть до смерти?
Смейся, бес лукавый, смейся!
Пусть чернила кровью рдели!
Сколько дней шептать до смерти:
“Боже, что же я наделал?”
Приподняться нету силы.
Строки морщатся в камине.
За окном, в дрожащей сини,
Мчится тройка, мимо, мимо.
Подвези меня немного.
Далеко ли там до рая?
Только белая дорога,
Как бумага, догорает.

* * *

Шумит прибой. И снова, снова
Вскипают вещие слова.
Но ты напрасно ждешь улова,
Рыбак, не помнящий родства.
Закрой глаза и в бездну прыгай!
Чтоб смог ты песнь свою начать,
Ты должен вспомнить: был ты рыбой,
Которой Бог велел молчать.
Вопль океана мирового
Прорвет веков остывший грунт.
В молчаньи мудром зреет слово.
В смиреньи горьком зреет бунт.

* * *

От улыбки зари до печали заката
Мчались кони пожаром по черной земле.
Прямо в сердце я целилась кровному брату.
Прямо в сердце пытался он выстрелить мне.
Нынче там, где подкова поставила дату,
Вьет гнездо без опаски певец полевой,
И все чудится нам, что мы не виноваты,
И все чудится нам, что мы живы с тобой...

* * *

Лишь кости на поле, да ветер завоет...
Была нам за битву обещана воля.
Лишь ворон бранится на поле на бранном.
Что славой звучало, откликнется срамом.
А кто уцелеет, припомнит едва ли,
За что воевали, зачем погибали.
И будут брести, спотыкаясь, калеки
По торной стезе окаянного века.

Средневековые мотивы

Король

Король был добрый, не был властен.
Крича “да здравствует король!” —
Ему набросили, как лассо,
Вокруг короны ореол.
И, вопреки своим желаньям,
Он исполнял завет веков:
Чтоб не погасло веры пламя,
Он в нем сжигал еретиков.
Давно всю жалость он отплакал,
Стал беспощаден и суров.
Земля сгорела, словно факел,
Среди погаснувших миров.
Но вдруг печальная догадка
Ему явилась на заре:
Один остался он на гладкой,
Отполированной земле.
Остановиться не успел он —
Лишь дым гулял тропой веков.
Посыпал голову он пеплом
Сожженных им еретиков.

Палач

А музыку фанфары перемелют,
И мы замрем, склонившись до травы.
Но к плахе свой топор палач примерит
И вдруг поймет, что нету головы.
И завтра он построит нас по росту
И крикнет, равноправие блюдя:
“Кто выше всех на голову, подбросьте
Мне голову на плаху, господи!”
И воздух содрогнется от оваций
Всех тех, что избежали топора,
И громко будут карлики смеяться,
Уверовав в естественность добра.

Санчо Панса

(Из цикла "Безумцы")

Ах, опомнись, Санчо Панса,
Подчинись своей судьбе,
Ведь безумие опасно,
Ведь безумие опасно,
Ведь безумие совсем не по тебе.
Ах, опомнись, Санчо Панса,
Знаем, в здравом ты уме.
С Дон Кихотом ты остался,
С Дон Кихотом ты остался,
Но безумным стать тебе ведь не суметь.
Ах, опомнись, Санчо Панса,
И отбрось нелепый щит,
Ведь в ловушку ты попался,
Ведь в ловушку ты попался,
И безумие тебя не защитит.
Что ж ты плачешь, Санчо Панса?
Просто кончена игра.
Сломан щит и меч сломался,
Сломан щит и меч сломался,
И домой тебе давно уже пора.
Отчего же, Санчо Панса,
У тебя в глазах тоска?
Отчего безумья панцирь,
Отчего безумья панцирь
Ты стремишься отыскать?
Ах, опомнись, Санчо Панса,
Подчинись своей судьбе,
Ведь безумие опасно,
Ведь безумие опасно,
Ведь безумие совсем не по тебе!

Монолог Жанны д'Арк

Шепот страха: “Покайся, Жанна!”
Голос веры: “Твой меч остер!
Ты ведь знаешь, боясь пожара,
Разжигают они костер”.
Боже правый, тяжка расплата,
Только это тебе видней.
Вот уже языки заката
Лижут гривы гнедых коней.
Мчится конь мой багрово-алый,
В кровь закушены удила.
Только силы осталось мало,
Только родина предала.
Жаль, неправду потом напишут
И объявят меня святой.
Конь мой красный в лицо мне дышит,
Лижет локон мой золотой.
Не молю, не клянусь, не каюсь.
Не спасти уже, не помочь.
Мама, солнце закрой руками,
Чтоб не знать, как сжигают дочь!
Мне судить, чтобы быть судимой,
Мне гореть, чтобы вам дышать.
Белой птицей за черным дымом
Что там видно тебе, душа?..

* * *

Она конфеты протянула мне:
“— На, помяни, погиб в Афганистане!”
Свистел, как пуля, ветер в вышине,
И дождь рядил, унылый, беспрестанный.
Я говорила: “Он в тебе живет”, —
И шоколад томительно жевала.
Она стояла, словно неживая,
Уставя взгляд на круглый свой живот.
Ракетой тополь устремился в синь,
Пробив туман, повисший над дорогой.
Она сказала: “Видно, будет сын,
А лучше б дочка родилась, ей-богу!”

12 марта 1801 года

Нева змеится лентой черной.
Бледна заря.
Гример в последний раз припудрит
лицо царя.
И под военных барабанов
глухую дробь
Склонятся траурные флаги
на гордый гроб.
Пойдем, дружище, на Фонтанку!
Нам не впервой
Плестись за царским катафалком
по мостовой.
А нынче март, и потепленья
природа ждет.
Надень-ка фрак, что под запретом
который год.
Потом шампанского закупим,
и пир горой.
И первый тост за Алесандра,
и тост второй:
“Да смоет праведное царство
наш общий грех!”
А где-то всхлипнет шут опальный
под брань и смех
О том, что траурною лентой
блестит Нева,
О том, что ветхая надежда
всегда нова...

* * *

Нас уводили ночью темной
В дом незаметный, незнакомый.
Лишь коридор широкий помню
И длинный ряд унылых комнат.
И кто-то с тихими глазами
Твердил: “Признайтесь лучше сами,
Что снилось вам, что рассказали
Вы наяву сегодня маме!”
А я шептала: “Что ж, простите,
Что говорю — не понимала,
Вы лучше маму отпустите,
Вы отпустите лучше маму.
Она ведь в том виновна только,
Что, сон мой слушая, смолчала.
Лишь повела глазами горько,
Лишь головою покачала”.
Он хохотал: “Я снюсь, не бойтесь”,—
Мусоля пухленькое “дело”.
Зачем, родная, нам неволью
На волю клятую гляделось?
Зачем мы гулко и бесцельно
Решали смутные вопросы?
Чтоб очутиться в этих стенах,
Где все так ясно, все так просто?..

* * *

Приду, чтоб умолять:
“Скажи, что все неправда!”
А он вздохнет опять:
“Судить меня ты вправе”.
А он, еще с тех пор
От мира отделенный,
Глаза уставит в пол
И скажет удивленно:
“Болтали о пустом.
А после с перепугу
Пошел я в серый дом
Показывать на друга”.
И будет стынуть ночь
В дверях, как понятая,
Луны таблетку вновь
Под языком катая.
И будет снег мести
По темным снам России.
Прости, мой Бог, прости,
Что я его простила.

* * *

Предательства вкус на губах после сна...
Кого предала я? Не помню. Неважно.
Проснувшись, я снова добра и отважна.
Вина сновидений — моя ли вина?
И все же, наверное, сны неспроста,
И те же виденья терзали Иуду,
Покуда апостолом был он, покуда
Как равный среди равных
любил он Христа...

* * *

— Мне снился сон, какой-то странный сон,
И в этом сне бежал я с поля боя
И повторял: “Спасен, спасен, спасен!”
И сам себя не слышал за пальбою.
Что снилось вам?

— Врывалась в сон ко мне
Какая-то тревога без причины.
Смотрели на меня глаза мужчины,
Что уцелел бесславно на войне,
В живых оставшись, может, для того,
Чтоб, не узнав ни воли, ни покоя,
Бежать, бежать по взорванному полю —
И избежать прощенья моего.

* * *

Не хочется драться, и счастье так близко,
Но щелкают зубы, но сыплются искры.
Мы голодны просто, мы просто ослепли
И раним друг друга за горсточку пепла.
Себя утешаем, что, выйдя из драки,
Начнем побежденным зализывать раны,
И прочь изгоняем сознание, что вечны
Увечья соперников, наши увечья.
Прости же нас, время, за то, что забыли,
Кого мы любили и как мы любили.
Позволь нам родиться с иною судьбою,
Позволь нам пролиться водою живою.

* * *

Кит лежит на августовском пляже.
Запах смерти. Мухи и жара.
А вокруг все так же волны пляшут,
А вокруг гоняет детвора.
Ты не первый, кто приплыл на сушу,
Словно человечеству в укор.
Через час твою растащат тушу
По кусочкам, курам на откорм.
Мир качнулся, больно сердце сжалось.
Дрогнул воздух, шквалы затая.
Может, впрямь на трех китах держались?
Может, больше не на чем стоять?

Тишина. Вопросы без ответа.
И моя нелепая вина.
Под дрожащим плавником рассвета
Океана дыбится спина.

Еврейская песня

Опять несет меня волна,
На камни острые бросая,
Туда, где мне кричали: “Сарра!” —
За кудри черные вина.
Я говорю себе: “Смелей!
Тебя здесь помнят не такую.
Купальной шапкой голубую
Прикрыта смоль твоих кудрей”.
И все же выйти не могу,
Хотя ногами дна касаюсь,
И все же снова слышу: “Сарра!”
На этом гиблом берегу.
Теперь кричат уже не мне,
А той веснушчатой девчонке,
Чей горбоносый профиль четкий
Так странен в этой стороне.
Быстрее, быстрее плыви сюда!
Вдвоем мы, может быть, спасемся.
Смотри, как ярко светит солнце
И как пузырится вода.
Плыви, покуда хватит сил,
Лопатки выставив углами.
Им не поспеть уже за нами,
Не одолеть речную синь.
Но на губах скрипит песок.
Как тихо на пустынном пляже!
Закатный луч в осоке пляшет.
Который век? Который сон?
Забудь, что шепчет нам тоска
И этот вечный страх погони.
Вонзи горячие ладони
В земли горячие бока.
Да будет яростен и крут
Наш путь от жеста и до слова.
Пусть в этом мире все не ново,
Мы родились, мы живы тут!

* * *

Жизнь тянется по нотам.
Жизнь делится на такты.
Для обреченных на смерть
оркестр играет танго.
Ах, как тоскует скрипка отчаянно
и звонко!
Под скрипку мать качает
уснувшего ребенка.
Под скрипку тень надежды
скользит по хмурым лицам.
Последняя минута
пульсирует и длится.
В поблекшем небе флаги
величественно реют.
Охранники хохочут:
“Играйте веселее!”
И вновь тоскует скрипка
до вelenого срока.
Одна на всех надежда.
Одна на всех дорога.
И вновь тоскует скрипка
о дне последнем гетто.
Но музыка иная
за горизонтом где-то.
А солнца диск кружится
тревожно и упрямо...
Над старую пластинкой
о чем-то плачет мама.

* * *

Приподнялся, шагнул к порогу,
Не противясь.
Каково тебе перед Богом?
Все ль простилось?
Видишь, лепит неторопливо
Холм лопата.
У какого, скажи, обрыва
Крикнуть: “Папа!”
Ну, а в нашей земной юдоли —
Те же дали.
Вот и друг твой уже на воле.
Оправдали.
Что бормочешь опять, Россия,
Мать злая?
Помидорчиком закусили,
Поминая?
Смерть ли к свету сбежать поможет
В этой драме?
Жаль, что я на тебя похожа
Лишь кудрями.

* * *

О, родные мои, не зовите меня
В те чужие далекие страны.
Пусть останусь одна, пусть медвежья страна
Так обнимет меня, что изранит.

И стоять мне сиротою
Век на ветру.
Если я чего-то стою —
Здесь я умру.
Если я о чем-то плачу —
Здесь моя речь.
Если голову на плаху —
Здесь проще лечь.

Пусть сегодня тюрьма, а назавтра сума,
Пусть живу в ожиданьи погрома,
Я печали свои выбираю сама,
Я счастливей, я все-таки дома.

Все уплыли, улетели
За океан.
В старом доме опустелом
Только диван.
Распалили, растопили
Жаркую печь.
Все уехали, уплыли —
Что там беречь?

Тут и там нам видны те ж четыре стены,
И безумие — ваше кочевье.
Уцепитесь за месяц с другой стороны.
Покачаемся, как на качелях...

Последняя роль

Сколько дней в этих съемках осталось?
Сколько дублей еще предстоит?
Вот и время играть свою старость.
В этой роли ты только старик.
Все как в жизни: и кресло-качалка,
И деревья в проеме окна,
И остывшее блюдечко с чаем,
И далеких друзей имена,
И горячее: “верьте мне, верьте,
Я любил и любили меня”,
И еще ожидание смерти
На пороге бессмертного дня.
Ты уходишь, все судьбы итожа,
Через час твой закат догорит.
Все как в жизни. И все же, и все же
В этой роли ты только старик.
Что останется? Лишь кинолента,
Где мгновения наперечет.
А за кадром, за кромкою лета
Чей-то взгляд полыхнет горячо...

* * *

Бессилье дня бессилье ночи множит.
Рука твоя покорна и легка.
Ты умираешь, ты уже не можешь
Вернуться хоть на миг издалека.
А дней пронумерованных страницы,
Как черновик вымарывать, нельзя.
С улыбкой виноватой ученицы
Застыла жизнь, потупивши глаза...

* * *

По одному мы покидаем зал
И задуваем свечи на прощанье.
Последних тактов жалоба и жар,
И Гайдну бесприютно и печально.
Растают звуки, как растает дым,
И тишина оплавит наши души.
О, пусть из нас найдется хоть один,
Кто не уйдет и свечку не потушит.
Останься! Изю всех последних сил
И вопреки печальному завету
Играй, чтоб не провисла неба синь
Под тяжестью непролитого света,
Чтоб под ударом беспокойных рук,
В далекое грядущее нацелен,
Над тишиною возносился звук,
Как занавес возносится над сценой.
Но мы уходим, свечи погасив,
И лишь вдали, в бесстрашии прощанья,
Еще пылает трепетный мотив,
И Гайдну бесприютно и печально...

Талатля

Ах, как боялась я заплакать,
И как мне взгляд его был дорог,
Когда я сбрасывала платье,
Когда он глину мял в ладонях.
А статуя, чиста, как свечка,
Меня как будто упрекала.
В ее чертах застыла вечность,
Что холодна была, как камень.
Ее черты моими были.
Меня лепил он долго-долго.
Его я, верно, полюбила.
А он ее любил, и только.
Но я о ревности забыла
В той мастерской, где все прощалось,
Где над дрожащим слоем пыли
Тревожно лампочка качалась,
Где скульптор, длинный и нелепый,
Работал, хмурясь и потея,
Где до сих пор еще он лепит
Мое тоскующее тело,
Где за сеанс он чаем платит,
Под пледом нежась в старом кресле,
Где так за дверью вьюга плачет,
Что даже статуя воскреснет.
И над остывшей чашкой чая
Пугливо съежится от ветра,
И вдруг посмотрит так печально,
Как будто любит безответно.

* * *

Откуда знакомы пропахший антоновкой сад
И угол веранды, где сумрак нам головы кружит?
Здесь все на местах, даже с неба натекие лужи
И гроздь рябин, что на самых перилах висят.
Откуда знакома мне женщина в синем плаще,
И эта походка, и челка, летящая косо,
И эти тяжелые, в круг заплетенные косы,
И отсвет заката, лежащий на круглом плече?
Мой спутник молчит и в калитку стучит “на авось”.
До станции ближней сегодня уже не добраться.
А женщина, знаю, позволит нам на ночь остаться
И грустно вздохнет: “Ваши вещи промокли насквозь!”
Октябрь озаряет ладонь потускневшим листом.
Но я же любима, нелепы мои предсказанья.
Я с женщиной этой впервые встречаюсь глазами.
Откуда я знаю все то, что случится потом?

* * *

Кружатся, кружатся листья осенние,
Кружатся люди, желая спасения.
Если кружиться, кружиться, кружиться,
То создается иллюзия жизни.
Кружимся врозь мы и кружимся парами,
Стали давно мы усталыми, старыми,
Не замечая в заботах кружения
Грустного этого преобразования...

Владимирские мотивы

Возле церкви на пригорке
Бил мужик свою жену.
Крик пронзительный и тонкий
Камнем падал в тишину.
К церкви люди подходили,
Век двенадцатый цена —
Белокаменное диво,
Словно кружево — стена.
Уходили экскурсанты,
окунувшись в старину,
И опять, хрипя надсадно,
Бил мужик свою жену.
На крестах сидели галки,
И закат вдали алел.
Было пыльно, было жарко
На Владимирской земле.

* * *

— Бабка, как я петь мечтаю,
А таланта ни настолько! —
Бабка даст перцовый пластырь
И перцовую настойку.
— И у мужа дорогого
Надо мною нету власти, —
Бабка выдаст мне настойку,
Бабка даст перцовый пластырь.
— Помоги же мне скорее,
Назначай любую плату! —
Бабка даст перцовый пластырь
И посмотрит виновато.

Осенняя песня

(Из цикла "Ностальгия по детству")

А первая любовь единственной казалась,
И пела тишина, еще не став строкой.
Не надо горевать. Осталось, что осталось.
До детства не доплыть, до смерти далеко.
Цепочка из минут за строчкой тянет строчку
И за любовью вновь спешит любовь дарить.
И поздно сожалеть, и рано ставить точку.
До смерти далеко, до детства не доплыть.
Куда же ты, душа, продрогшая синица?
Зовут ведь не тебя, курлыча за рекой.
Осенний перелет все длится, длится, длится —
До детства не доплыть, до смерти далеко.

Город детства

Куда теперь? В тот сад за школой,
Где друг как будто бы вчера
Бросал мне с яростным укором:
“Красива ты, но не добра!”
Или туда, где смуглый, длинный
Цыган, согнувшись у стены,
Для нас пиликал Паганини
Под брань растрепанной жены?
Как странно мне и как досадно,
Судьбы разматывая нить,
Сюда приехать экскурсантом
И ни слезинки не пролить,
И ждать, что в доме скрипнут ставни,
Качнется окон синева,
И лица тех, кто мной оставлен,
В летящих листьях узнавать...

* * *

Войди в мой сон на грани дня,
Войди в ту трещину пространства,
Где ты с привычным постоянством
Подолгу смотришь на меня.
Где перепутаны давно
Узоры нашего страдания,
И тишина есть пониманье,
И улыбаться нам дано,
И долгих наших лет итог —
Лишь отдаленный шум прибоя
Седого моря, где с тобою
Нам утонуть назначен срок.
Войди в мой сон на грани дня,
Пока там небо голубое,
Покуда черною бедою
Не запеклись его края,
Покуда память нам дана
Разбитый день крепить любовью,
Покуда живы мы с тобою,
Войди в мой сон на грани дня.

* * *

Ветер дробью дождя барабанит легонько.
Где-то лает собака сердито и горько.
Это долгая ночь пролилась без остатка,
Это сон, словно вор, ускользает украдкой.
Лужи черный овал. Листьев вздох оробелый.
День повис за окном. Высыхающий, белый.

* * *

Задует хмурый ветер берез и кленов свечи,
И оборванка осень рванется нам навстречу.
А после будем греться в продрогшем мире этом
От лета и до лета. От лета и до лета.

* * *

Боюсь, что не встречу с тобою.
Наш день, как ручей, пересох,
И сердце исходит любовью,
Тоски обнажая песок.
Бессонницы черная птица
Забот моих зерна клюет,
И ночь за окошком томится,
Ее охраняя полет.
Но снова, распахнутой сини
По капле себя раздарив,
Наполнюсь сознанием силы
В лучах позабытой зари.
Пойду, ее лаской согрета,
Уже не предвидя беды,
Туда, где за кромкою света
Твои потеряю следы.
И стану я тем уж довольна,
Что ты, не спросивши меня,
Живешь и светло и привольно
В темнице печального дня,
Что больше не будет нам тесно
Под узким клочком синевы,
Что мне не пропеть тебе песни
О чьей-то ушедшей любви.

* * *

Был уходящий вечер тих.
Но обнажило вдруг пространство
Незащищенность чувств моих
И чувств твоих непостоянство.
Еще искала я слова,
Чтобы ничьей не слыть виною,
Но равнодушная трава
Уже всходила надо мною.

* * *

И без любви могу прожить,
Когда кленовый лист дрожит
И в облаках видна прореха.
Но уходящий в вечность шаг
Звучит, звучит в моих ушах,
И дождь усиливает эхо...

* * *

Разве обрадует лето,
Если живешь без зимы?
Разве ослепнешь от света,
Если не ведаешь тьмы?
Разве разрушат годы,
Если не молод, не страстен?
Разве умрешь от горя,
Если не умер от счастья?!

* * *

Всю жизнь боишься ты огня,
Наверно, так же, как страдания,
И все же любишь ты меня
Уже расщепленным сознанием.
И все же счастлив был тот миг,
Когда скрестились наши ветви,
И простонал ты: “Мой двойник!
Навеки вместе мы, навеки!”
Прости, мечтала о другом.
Чем ярче свет, тем гуще тени.
Дай бог, чтоб выжил хоть врагом.
Дай бог, чтоб рана не смертельна.

Воровка

Я правильно несправедно жила
И совести не знала я укоров,
Но замирало сердце у меня,
Лишь раздавался крик: “держите вора!”

Хоть знала я, что нет на мне вины
И вора настоящего поймали,
Я думала: “О хоть бы не нашли!”
Я думала: “О как бы не узнали!”

Не знала я, за что мне этот крест,
Не знала я, за что мне эта кара,
Пока воровкой не вошла в твой дом,
Пока тебя из дому не украла.

И вор, бунтующий в моей крови,
Шепнул мне: “Вот твое предназначенье.
Познаешь ты блаженство той вины,
Познаешь ты блаженство тех мучений!”

Давно сгорела шапка у меня,
Давно сгорели волосы и тело,
Но в тишине судьбу свою кляня,
Я знала: воровство — теперь удел мой.

Мне не избыть блаженства той вины,
Мне не избыть блаженства тех мучений,
Ведь вор, увы, сидит в моей крови,
И в том, увы, мое предназначенье.

Волчица

Не найти во мне душу, ведь нету ее у меня.
Где душа у волчицы, бегущей за зайцем
в погоню?
Ты опять ускользнул, быстроногою прытью
дразня,
Ты опять растревожил дремавший до времени
голод.
Чую запахи леса и шорох пригнувшихся трав.
Ты хрустишь сухостоем, и рот твой в испуге
надкушен.
Настигающий прав, убегающий вечно не прав.
Ты добыча моя. Берегись! Не найдешь во мне
душу!
Сотни раз исчезай, все равно я тебя не отдам.
Я петляющий путь твой давно назубок
затвердила.
По зигзагам твоим, по твоим осторожным
следам
Пронесусь я вслепую, мой слабый, мой сладкий,
мой милый!
И в смертельном прыжке настигая твой
гибкий хребет,
И губами нащупав комочек дрожащего горла,
“Не ищи во мне душу, — шепну я, — ее во мне
нет.
Где душа у волчицы, бегущей за зайцем
в погоню?”

Цыганка

В пестроте и шумихе вокзала
На скамейке мешки разложив,
Мне цыганка судьбу предсказала —
Три любви за короткую жизнь.
А потом на дождливом перроне,
Руку мне положив на плечо,
Третий мой, мой давно посторонний,
Говорил: “Ты полюбишь еще”.
Застучало в висках: “Не уеду,
Ты последний. Люби — не люби!”
А цыганка за нами по свету
Шла, привычно считая рубли...

Курортный роман

Красками неба играет вода,
В пене прибоя зовет искупаться.
Завтра мне плыть, а тебе оставаться.
Больше не встретимся мы никогда.

Ах, этот вечный курортный роман,
Где неуместен мотив притязанья!
“— Дай адресок, — скажешь ты на прощанье,—
Может, случится увидеться нам”.

Что же поделать, хотим — не хотим, —
Там, за кормою, останется лето.
Ты меня любишь... Не будем об этом.
Ты меня любишь... Давай помолчим.

Красками неба играет вода,
В пене прибоя зовет искупаться.
Завтра мне плыть, а тебе оставаться.
Больше не встретиться нам никогда.

* * *

Из тебя не создать мне идола,
Не проснется к тебе любовь.
Отраженье свое увидела,
Когда встретила я с тобой.
Поцелуемся неприкаянно,
Ощутим холодок стекла.
Между нами стена зеркальная,
Не пропустит она тепла.
Ты по ту, я по эту сторону,
Сиротливо тебе и мне.
Друг, найди для себя достойную
В зазеркальной своей стране.

* * *

Над речкой тает лунный свет,
Чернеют листья краснотала.
Ты говоришь: “Она летала”,
Я говорю: “Ее здесь нет”.
Ее здесь нет и нет нигде.
И ветер плачет о потере,
А ты глядишь осиротело,
Как рябь кружится по воде.
Возможно ль тени верным быть,
Когда так ярки наши лица?
Ты говоришь: “Она — как птица,
Другую мне не полюбить”.
А может, это только бред?
Ты улыбаешься устало
И все твердишь: “Она летала”.
“Я научусь”, — кричу в ответ.

* * *

Когда мне надоело быть собой,
Я сгребла в кучу и выбросила на свалку
Ненужный хлам памяти, чувств и мыслей
И ушла из дому совсем налегке,
Совсем незнакомой дорогой,
И в новом, еще незамутненном источнике
Искупалась обнаженная.
Но по щиколотку в воде
Ты и здесь стоял рядом
И опять не повернул головы
В мою сторону...

* * *

Милый, наш месяц кончается летний.
Разве моя в том вина?
Знаю, что стала твоею последней.
Ты отступись от меня.
Без сожаленья входи в свою осень.
Стерпится все, даже боль.
И не сердись: словно глаз твоих просинь,
Выцвела наша любовь.
Тихой пчелою приблизится жалость,
Горечь, как мед, соберет.
Завтра опять мои губы ужалит
Твой неприкаянный рот.
Все перепето. Кружится кассета
С лентой вчерашнего дня.
Милый мой, наше просрочено лето,
Ты отступись от меня.

* * *

На закате костер был неистов,
И ознобом тянуло с реки.
У костра собрались альпинисты
И негромко читали стихи.
Словно флягу пускали по кругу —
Каждый влагу их горькую пил.
Так справляли поминки по другу,
Что сорвался и трос отрубил.
Может, правильным выбор и не был,
Мог спастись, но спастись не стал,
Чтоб того, кто цеплялся за небо,
Не тащить за собою в провал.
А писал он о странствиях дальних
И о том, что не любит уют,
И звучали все строки банально,
Но об этом не думалось тут.
Плыл в тот вечер над лесом, над летом,
Над тоской поминального дня
Вздых деревьев: “Не стало поэта”,
Ветра вздох: “Не судите меня”.

* * *

Мы туда уплывем, где у речки гнездятся стрижи,
Где у стройных осин серебрятся стволы в два обхвата,
Лишь бы снег переждать, лишь бы долгую зиму прожить,
Лишь бы взгляд ты не прятал потерянно и виновато.
Заскользит по стволам отраженье бегущей волны,
Отражение весел в бегущей волне зазмеится.
Повзрослеет душа, и, как дети, мы станем вольны,
Заискрится цветок и сверкнет опереньем синица,
Чтоб над снежной землей, над застывшей землей ледяной,
Где простор поднебесья распахнут светло и высоко,
Где в седых облаках расплескался малиновый зной,
Мы поплыли с тобой, раздвигая камыш и осоку.

* * *

Что мне делать с тобой, непокорная боль?
Этой ночью в пространство распахнута сцена.
Ну а зрители?! Им не узнать тебе цену,
Если правду свою не сыграешь как роль.
Он не любит меня, и последний мой шанс —
Так запеть, так ударить по струнам гитары,
Чтоб к нему возвратилась беглянка-душа,
Что еще не познала усталость и старость.
Он когда-то сказал: “Я пока еще жив”, —
И на миг показался щедрей и моложе.
Я подумала: “Что мне до этого, боже!” —
Но поверила выдумке этой и лжи.
Что же делать мне, боль? Стынет ночи зола.
Не суметь мне тебя обуздать и стреножить.
Я актер, позабывший язык ремесла,
Ну а мертвых лишь песней дано растревожить...

Городской романс

Я на троллейбусной площадке
За чьей-то мощною спиной
Поцеловала вас украдкой...
И нету близости иной.
Хоть вы, старинный мой попутчик,
Уже с изрядной сединой,
Меня прильнуть к вам бес попутал...
И нету близости иной.
Зачем, беседея со мной,
Вы руку сжали мне тревожно,
Ведь все, как прежде, невозможно,
И нету близости иной?
Гони, троллейбус мой родной,
Толкай друг к другу нас неловко!
Но скоро ваша остановка,
И нету близости иной...
Троллейбус мчится стороной.
Так отчего же сердце ноет?
Я стала вашею женою...
И нету близости иной.

Романс

За горизонтом ваших губ —
Лишь только небо.
Я каждый шаг ваш стерегу
Упрямо, немо.
Калитка скрипнула в саду,
И почки вздулись.
Я ничего от вас не жду,
Я просто жду вас.
Здесь разрастется у плетня
Крапива злая.
Вы не узнаете меня,
Я это знаю.
За облаками вас лови —
В наш век нелетный!
Для платонической любви
Вы так бесплотны...
За горизонтом ваших губ —
Лишь только небо.
Я каждый шаг ваш стерегу
Упрямо, немо.
Калитка скрипнула в саду
И почки вздулись.
Я ничего от вас не жду,
Я просто жду вас.

* * *

Над глубокою рекою да над темною водой
Ты сказал мне: “Буду ждать я. Может, станешь ты вдовой”.
Шли года. Когда встречались, молча взгляд ты мой ловил.
Муж ушел. Ведь не любил он так, как ты меня любил.
И опять тебя встречала — не жена и не вдова.
И опять тебе надежды не желала подавать.
И с тех пор в реке глубокой стынет темная вода
Горьким отсветом былого, тихим всхлипом “никогда”.

* * *

В моем распахнутом покое
Звучит лишь эхо высоты.
Ах, как смычком вожу легко я,
Когда меня похвалишь ты!
Не бойся! Сердце бьется ровно,
Так ровно бьется, что хоть плачь,
И для меня теперь ты ровня,
Учитель, музыкант, скрипач!
Давай-ка вместе поиграем,
Пускай сердца забьются в такт,
Любя, рождаясь, умирая
Над шифром нотного листа.
Волны приливы и отливы
Ракушек подметают сор,
И я, как пойманная рыба,
Глотаю воздух и песок.
Но ты развязываешь невод,
И в наступившей тишине
В морскую глубь уходит небо,
Чтоб добежать волной ко мне.
Не въявь, так вплавь с тобой останусь,
В галлюцинациях, в бреду.
Но вновь с другими пью и старюсь
И вновь, как в плен, к себе бреду.

* * *

Возьми меня к себе в сиделки,
Покуда болен ты и слаб.
Давай беду с тобой разделим,
Авось дела пойдут на лад.
Дежурить дай мне у кровати,
Кормить тебя, тебя поить.
При мне тебя не целовать ей,
Не гладить руки ей твои.
Прости меня, схожу с ума я,
Так болен ты, а я о ней.
Но у нее с тобой немало
Других, счастливых, было дней.
Пускай оставит мне плохие!
Но узнаю в ней мой недуг:
Глаза горячие, сухие
И дрожь безудержную рук.
И обреченно и сурово
Я к ней склоняюсь на плечо,
Клянясь любить тебя до гроба,
Не зная, жив ли ты еще.

* * *

Любовь моя — вдох без надежды на выдох.
Ни словом, ни взглядом ее я не выдам.
Любовью своей лишь себя согревая,
Любимый, в каком я долгу перед вами!
Но в ней признаваться — как мчаться на лыжах,
Когда крутизна подступает все ближе,
Тебя от земли отрывая, как птицу,
Чтоб выше взлететь и вернее разбиться...
Хотела бы слушать я ваше дыханье,
Да ночь, затихая, мне платит стихами,
И сна дуновеньем, горячим и дерзким,
И лаской другого, беспомощной, детской.

Иерусалимские напевы

Скуластый мальчишка, задира,
Зачем я твержу твое имя?
Сначала в себя уходила,
Потом уходила с другими.
А то, что назвал ты любовью,
Совсем на любовь не похоже.
Но мы целовались с тобою
На самом виду у прохожих.
Ты помнишь, дорогой Иисуса
Брели по арабским кварталам,
И я опасалась искуса
К тебе прислониться устало?
А после в саду Гефсиманском
Незрелые рвали маслины.
Из душистой поры этой майской
Что в сердце своем унесли мы?
Но месяц крутого замеса
Доплыл, и должно быть, так надо —
От нашего снежного леса
До вашего райского сада.
Тону я в кудрях твоих жарких,
В глазах, как миндалины, узких.
И там, где лишь камни да арка,
“Люблю” ты мне шепчешь по-русски.

Чинара

На тебе, словно капли, блестят серебристые почки
И, как почки, блестят серебристые капли дождя,
И пестрят на ветвях чьих-то просьб и желаний платочки,
Вот и свой, голубой, оставляю тебе, уходя.
Я взойду на Чимган, утопая в снегу по колено.
Ты, напрягшись ветвями, за мною потянешься ввысь,
Чтобы эхом далеким услышать мой крик вдохновенный:
“Слава богу, что мы добрались, добрались, добрались!”
Ах, чинара, подруга, прости сумасшедшую веру,
Что мы вместе росли, что и мне и тебе — за пятьсот,
Как пятьсот лет назад, над горами рассвет, словно веер,
Как пятьсот лет назад, окаянное солнце печет.
Как пятьсот лет назад, под ногами крутая дорога,
Как пятьсот лет назад, так отчаянно хочется жить!
И, взойдя на вершину, мудрей и щедрей стать немного.
Как пятьсот лет назад, мне навстречу лавина бежит...
Смерть — не точка, она — многоточие в звездном полете.
Сбросит кожу душа и себя вдруг узнает опять.
Но оборван мой крик на высокой, пронзительной ноте,
Но опять, задыхаясь, мне воздух горячий глотать.
Не горюй, не прощайся, лишь небом взмахни, как платочком,
Тем, что я оставляла, к вершине своей уходя.
На тебе, словно капли, блестят серебристые почки
И, как почки, блестят серебристые капли дождя.

* * *

Сузилась в небе полоска заката,
Черные тени легли у двора.
Ты прошептал мне, что правда зачата
Кровосмешением зла и добра.
Крикнула: “Верить тебе не желаю! —
Боль торопливо стучала в висок, —
Чтоб на земле этой горькой жила я,
Дьявол есть дьявол, а Бог — это Бог!”
Вечер в твоих притаился ресницах,
Чтобы из снов паутину плести.
Ты улыбнулся: “Пускай тебе снится
Сон черно-белый. Не прав я. Прости”.

* * *

Я тишину нарушила случайно,
и эхо упрямо повторяет:
“Забудь меня и ты, как я себя забыла”.
А горы уставились в озеро,
и бабочки играют с ними в прятки,
и волна лижет мне ноги,
даже не догадываясь о моем присутствии.

* * *

Видишь, как деревья голые
В том саду за нашей школою,
Синеву исчеркав ветками,
Устремляются в полет,
И в узорах солнца яркого
Лужи кажутся помарками.
Слышишь, женщина усталая,
Словно девочка, поет?
Ты узнал ее, наверное,
Ведь была подругой верною
Семилетняя красавица
Семилетнему юнцу.
Все на круги возвращается,
Мальчик с девочкой встречается,
Лишь морщинки рябью легкою
Разбежались по лицу.
Трижды продана и предана,
Никому, как встарь, не предана,
Вспоминает все, что вспомнилось,
Но заплакать не дано.
Что весною душу ранило,
Залечила осень ранняя,
А зима снежком присыпала
То, что осенью черно.
Видишь, как деревья голые
В том саду за нашей школою,
Синеву исчеркав ветками,
Устремляются в полет?
Жизнь написана с помарками,
Стынет в лужах солнце жаркое.
Слышишь, женщина усталая,
Словно девочка, поет?

Эмигрантская застольная

Знаю, дрянь мои дела,
Не учи ученого!
Закусить бы удила,
Загулять по-черному!
Нараспашку вся душа
На потеху публике.
А в кармане ни гроша —
Только дырка в бублике.

Плачь гитара, струны рви,
Врежь им песни русские.
Распотешься, херувим,
И других науськивай.
Поиграемся в любовь.
Чушь тверди мне разную.
Ты, как видно, голубой,
Ну а я заразная.
Каждый в мире одинок,
Пропади все пропадом!
Вот еще один денек
Мы с тобою пропили.
Ни тепла и ни угла.
Драма ли, пародия?
Друг, подбрось в камин угля
На далекой родине!

* * *

Когда бродячий грустный пес
Вам бросится навстречу,
Когда с укором и в упор
Посмотрит он на Вас,
Прошу Вас, вспомните декабрь
И долгий хмурый вечер,
И кудри черные мои,
И влажность карих глаз.
Нет, не надейтесь, что приду,
Что так, как пес, готова
К Вам набиваться на постой,
Отчаянно скуля.
И все же вспомните меня,
Черкните мне полслова,
Сев на продавленный диван
У краешка стола.
И, глядя в темное окно,
Где в клубах снежной пыли
Пес будет лаять на чужих
И прибегать назад,
Вздохните, черкая письмо:
“Она меня любила,
Ведь не случайно же у пса
Похожие глаза!”
Исхода нет моим словам,
Тревогам нет исхода.
Для Вас, конечно, как всегда,
В одном исходе свет.
А там чужие берега
И жаркая погода,
Ну а бродячих грустных псов
Совсем в природе нет.

* * *

Себя исчерпал ты до дна,
Но древние помня заветы,
Надейся: всплывет хоть одна
Строка, что еще не запета.
Как мало нам силы дано!
Мы дети оглохшего века,
У нас истрепалась давно
Одежда из плача и смеха.
Но, строчку стремясь отыскать,
К тебе из сумятицы быта
Приходят любовь и тоска —
Вчерашний твой день позабытый,
И ветер, тугой, как струна,
Мотив незнакомый колышет,
И снова дрожит тишина
От крика: “О Боже! Я слышу!”

* * *

Я тем, кто всей душою был мне предан,
Платила равнодушьем за любовь.
Единственный, кто мной еще не предан,
Не знаю я, что делать мне с тобой.
“Приди!” — хочу сказать, но нету веры.
“Беги!” — хочу сказать, но силы нет.
Лишь по ночам на лист бумаги белый
Тоски моей неяркий льется свет.

* * *

Исхода нет моим словам
И снам тревожным нет исхода.
Друг, шла я к вам, не зная брода,
Не зная брода, шла я к вам.
Вы слушали мои стихи
И говорили: “Вот счастливый!
Его так любят!” Ах, могли вы
Со мною не быть столь тихи.
Могли почувствовать, что в а м —
Мои рифмованные строки,
Когда бы не были так строги,
Когда б не жили по часам,
Когда бы, приходя домой,
Мое лицо вы рисовали,
При этом думая: “Едва ли...
Что возомнил я? Боже мой!”

* * *

Зачем нам праведная ночь,
Всею тьмой пронесшаяся мимо,
Когда уже необратимо
Тебя тоска уносит прочь?
Ночь зазнобило, и река
Вдруг поднялась, как столбик ртутный.
И встретилась с рукой рука
В прощальной нежности минутной.
И это утро для чего,
Мне совершенно непонятно,
И вновь рассвет, и запах мяты,
И дождик капнул на чело...

* * *

И земляника догорает
У основания стебелька,
И, пыльным золотом играя,
Как зной, колышется река.
Но в ритмах бешеного лета
Ты начинаешь различать
Дождей непролитых приметы,
Снегов серебряную прядь.
И, дни считая обреченно,
Предвидя всех событий ход,
Глядишь на съездившийся, черный,
На стебельке повисший плод.

Памяти неизвестного поэта

*Натану Гартштейну, погибшему
в 18 лет на фронте в сентябре 1941 г.*

Еще ты жив, но скоро лето,
И все сильней тревожит боль.
Войною вздыблена планета,
И где-то там грохочет бой.
А дворник соберет лопатой
Ненужный снег, прошедший снег.
Из почек робко, виновато
Весна проклюнется на свет.
И ты найдешь добра приметы
Там, где искать и не хотел:
В полоске гаснувшего света
И в неизбежности потерь.
И в том, что, вопреки стараньям
Хоть чем-нибудь полезным стать,
Ты будешь, спрятавшись в сарае,
Стихи набрасывать в тетрадь.
Чтоб после, за порогом лета,
Едва начавши жизнь свою,
Не угадав в себе поэта,
Поэтом умереть в бою.

* * *

Неужели все пройдет
И ничто не повторится?
Год за годом, день за днем
Увядают наши лица.
И уже стучится в дверь
Неизбежность расставанья
С тем, что так и не смогла
Обессмертить я словами.
А хотелось всем назло
Свой мотив пропеть отлично,
Чтобы голос мой звучал
На небесной переключке.
Но расплачутся стихи
Строчек мутными слезами,
И швырнет меня судьба
Тишине на растерзанье.

* * *

Завертел Бог планеты и звезды.
В них такое законов число,
Что вмешаться в их ход уже поздно,
Даже если несут они зло.
И пока на безумных планетах.
Мы решаем, быть нам или не быть,
Пролила уже Аннушка где-то
Каплю масла на рельсы судьбы.
И уже не зависит от Бога.
И совсем не зависит от нас,
Что шагаем мы смерти дорогой
В тот судьбою назначенный час.
В небе солнце по-прежнему светит,
Но труба уж играет отбой.
Вот несется, как яростный ветер,
Наш последний трамвай роковой.
Только пусть бы хватило нам воли
Миг последний у жизни украсть,
Чтоб потом, уж не чувствуя боли,
Головою на рельсы упасть.
Мы рванемся в другую обитель,
В изначальный, далекий наш дом,
И окликнет нас Воланд: “Летите!
Жизнь прошла, смерть прошла.
Мы вас ждем!”

* * *

Что за нелепая игра!
Подняться в небо, головой
Ударившись о крышку гроба.
В подлунном мире все не ново.
Ну вот, пришла моя пора.
Где похороните меня,
Мне наплевать. Какое дело
Душе, что только отлетела,
Где будет тело истлевать?
Я возрожусь цветком, листом.
Вы только верьте, верьте, верьте!
Но вот беда, до самой смерти
Мне не узнать уже о том.

* * *

Я к вечеру уже умру,
По крайней мере, так приснилось.
Все надо делать поутру,
Все десять дел, что накопились.
Мой вороненок мал и слаб,
Ему я дам с десятков трав,
Вот он и вылетит в окошко.
Ну а еще осталась кошка.
Ее я мясом накормлю,
Которое сама не съела.
Как эту живность я люблю!
А впрочем, в живности ли дело?
Быть может, вовсе не умру,
А это все лишь сон, не боле.
Все надо делать поутру,
Когда ни слабости, ни боли.
Не понимаю, почему
Тот странный сон меня морочит.
Но вот уже проснулся кочет
И ходит важно по двору.
Все надо делать поутру.

Июнь 2000 г.

* * *

Ах, с ума здесь сойдешь от тоски,
От горячего южного ветра.
Время лечит, но так беззаветно,
Что свои забываешь стихи.
Согрешила, должно быть, всерьез,
А иначе беда непонятна.
Не осталось ни вздохов, ни слез,
Только тянет вернуться обратно.
Только тянет вернуться туда,
Где кузнечик трещит у пруда.
Исчезаю, исчезну, уйду.
Может, в мае, а может, в июле,
Только кажется, что обманули
И пропели мне песню не ту.

Июнь 2000 г.

* * *

Здесь, под небом высоким, у знойного дня на краю
Кружит черная птица под рокот немолчный прибора.
Боже, этот покой, что нисходит на душу мою, —
В нем совсем нет желаний, и что мне поделать с собою?
Об одном лишь тебя я сегодня тихонько молю:
Дай прохлады испить, осени меня звонкой листвою.

Остывает душа, и надежда почти умерла,
Ну а сердце стучит, все быстрее стучит и все чаще,
И оно говорит, что сумею расправить крыла
И опять воспарить над далекою снежною чашей,
И оно говорит, что негоже сдыхать мне одной
В незнакомой стране, возле озера гибельной чаши.
Кружит черная птица, закрыв небосвод голубой,
Кружит черная птица и черными крыльями машет.

* * *

Откуда эта древняя тоска?
И кажется: строка, еще строка,
И плеск волны, и чайки крик случайный —
И бытия тебе открылась тайна.
А тайны нет, есть только эта жизнь,
И как она сложись ли — не сложись,
Другую жизнь не обретешь как будто.
Есть только жизнь и эта вот минута.
Ты захлебнулся ею. Ну держись!
А море волны подымает ввысь,
И тишина достигла абсолюта.

* * *

Жаркий огонь полыхает в камине,
Тень моя, тень на холодной стене!
Жизнь моя связана с вами отныне.
Дождик осенний, поплачь обо мне.
Сколько бы я ни бродила по свету,
Тень моя, тень на холодной стене,
Нет, и без вас мне спокойствия нету.
Дождик осенний, поплачь обо мне.
Все мы в руках ненадежной фортуны,
Тень моя, тень на холодной стене.
Лютни уж нет, но звучат ее струны.
Дождик осенний, поплачь обо мне.
Жизнь драгоценна, но выжить непросто,
Тень моя, тень на холодной стене,
Короток путь от весны до погоста.
Дождик осенний, поплачь обо мне.

* * *

Если будет призрак мой
По ночам тебя морочить,
Ты зажмурь покрепче очи,
Я пришла не за тобой.
До свиданья, дорогой!
Если руки попрошу
Протянуть ко мне навстречу,
Ты не слушай эти речи,
Свет зажги, окно открой!
До свиданья, дорогой!
Помню клены за окном,
Помню, дождь стучал по крыше.
Я тебя уже не слышу,
Сердце бьется под рукой.
До свиданья, дорогой!
Места нету на земле
Для таких, как я, бездомных.
Вот расплата за бездумный,
За беспечный мой покой.
До свиданья, дорогой!
А тебе туда нельзя.
Я сама молю, как чуда,
Из нигде и ниоткуда
Здесь побыть часок-другой.
До свиданья, дорогой!
.....
Вот рассвет иного дня,
Перевозчик ждет меня.

Июнь 2000 г.

Приложение*

Песни в ритме дождя (триптих)

Рассвет

Ветер дробью дождя барабанит легонько.
Где-то лает собака сердито и горько.
Это долгая ночь пролилась без остатка,
Это сон, словно вор, ускользает украдкой.
 Войди в мой сон на грани дня,
 Войди в ту трещину пространства,
 Где ты с привычным постоянством
 Подолгу смотришь на меня,
 Где перепутаны давно
 Узоры нашего страданья
 И тишина есть пониманье,
 И улыбаться нам дано.

Ветер дробью дождя барабанит легонько.
Где-то лает собака сердито и горько.
Это долгая ночь пролилась без остатка,
Это сон, словно вор, ускользает украдкой.
 Войди в мой сон на грани дня,
 Пока там небо голубое,
 Покуда черною бедою
 Не запеклись его края,
 Покуда память нам дана
 Разбитый день крепить любовью,
 Покуда живы мы с тобою,
 Войди в мой сон на грани дня!

Ветер дробью дождя барабанит легонько,
Где-то лает собака сердито и горько.
Лужи черный овал, листьев вздох оробелый.
День повис за окном, высыхающий, белый.

* В раздел включены песни, представляющие собой варианты произведений, опубликованных выше, а также ряд других текстов.

Элегия

Откуда знакома мне женщина в синем плаще
И эта походка и челка, летящая косо,
И эти тяжелые, в круг заплетенные косы,
И отблеск заката, дрожащий на левом плече?

Мой спутник идет и в калитки стучит “на авось”.
До станции ближней сегодня уже не добраться.
А женщина, знаю, позволит нам на ночь остаться
И грустно вздохнет: “Ваши вещи промокли насквозь”.

Барабанил дождь на крыше,
Бил с размаху о карниз,
Словно звал меня тревожно:
“Обернись же, обернись!”
И с дождем по водостоку,
Разбежавшись в три ручья,
Ускользнула не пропетой
Песня лучшая моя.

Откуда знакомы пропахший антоновкой сад
И угол веранды, где ждет нас дымящийся ужин?
Здесь все на местах, даже с крыши натекая лужа,
И капли дождя, что на темных перилах висят.

Октябрь золотит мне ладонь потускневшим листом.
Но я же любима — нелепы мои предсказания.
Я с женщиной этой впервые встречаюсь глазами.
Откуда я знаю все то, что случится потом?

Барабанил дождь по крыше,
Бил с размаху о карниз,
Словно звал меня тревожно:
“Обернись же, обернись!”
Но на миг мне показалось,
Что печали далеки,
Что на счастье расколосось
Небо в лужах на куски.

* * *

Тихо пляшут паутинки
В воздухе нагретом.
На березовой поляне
Колобродит лето.

Солнце небу дарит снова
Ласковую просинь
И листвою молочно-желтой
Вздрагивает осень.

Время петь и веселиться!
Не грусти, не сетуй.
Не беда, что нас обманет
Призрачное лето.

Не беда, что в листопаде
И в колючей вьюге
Мы, наверное, не сможем
Отыскать друг друга.

Выпьем счастья сок медвяный
В этот день до донца!
В небе тает, словно сахар,
Золотое солнце.

Только знать бы, расставаясь,
Что еще любимы,
Только б осень не горчила
Привкусом рябины.

Тихо пляшут паутинки
В воздухе нагретом.
На березовой поляне
Колобродит лето...

Мой милый

Мой милый, вот и снова снег кружится,
И все, как прежде, а тебя уж нет...
Ах, если б мог сюда ты возвратиться,
Как возвращается на землю снег!

Ты не вернешься. Живы мы любовью.
А эта сила из тебя ушла.
И тело остается не тобою,
Когда его покинула душа.

Ты не вернешься вместе с новым снегом,
С дождем весенним не вернешься ты,
Но буду за тобой нести я следом
Твои страдания и твои мечты.

Мой милый, ты — во мне, как испытанье,
Оттуда предначертанный мне путь.
Душа твоя давно моею стала.
Огонь ее не сможешь ты задуть.

Монолог несостоявшегося поэта

Что мне делать с тобой, неизлитая боль?
Этой ночью в пространство распахнута сцена.
Ну а зрители? Им не узнать тебе цену,
Если правду свою не сыграешь как роль.

Неужели все пройдет и ничто не повторится?
Год за годом, день за днем увядают наши лица,
И уже стучится в дверь неизбежность расставанья
С тем, что так и не смогла обессмертить я словами.

Не поверят тебе, если будешь гола,
Если красками яркими лик не расцветишь,
Если платьем искусным себя не отметишь —
Не узнают они, что ты болью была.

А хотелось всем назло свой мотив пропеть отлично,
Чтобы голос мой звучал на небесной перекличке.
Но расплачутся стихи строчек мутными слезами
И швырнет меня судьба тишине на растерзанье.

Наплывает рассвет, стынет ночи зола.
Не суметь мне тебя обуздать и стреножить.
Не дано нам людские сердца растревожить.
Я — актер, позабывший азы ремесла...

Воспоминание о гражданской войне

От улыбки зари до печали заката
Потянулась мелодия нашей беды,
Что в сердцах прозвучала предсмертной расплатой
За жестокий и вечный мираж правоты.

Лишь кости на поле, да ветер завоет.
Была нам за битву обещана воля.
Аукнется воля, аукнется слава,
Откликнутся выстрелы слева да справа.

От улыбки зари до печали заката
Мчались кони пожаром по черной земле.
Прямо в сердце я целилась кровному брату,
Прямо в сердце пытался он выстрелить мне.
Лишь кости на поле, да ветер завоет.
Была нам за битву обещана воля.
Лишь ворон бранится на поле на бранном.
Что славой казалось, окажется срамом.

Нынче там, где подкова поставила дату,
Вьет гнездо без опаски певец полевой,
И все чудится нам, что мы не виноваты,
И все чудится нам, что мы живы с тобой.
Лишь кости на поле, да ветер завоет.
Была нам за битву обещана воля.
Была нам за битву обещана слава.
Какими же славными гибли мы, право!

* * *

Над глубокою рекою
Да над темною водой
Ты сказал мне: “Буду ждать я.
Может, станешь ты вдовой”.
Шли года. Когда встречались,
Молча взгляд ты мой ловил.
Муж ушел. Ведь не любил он
Так, как ты меня любил.
И опять тебя встречала —
Не жена и не вдова,
И опять тебе надежды
Не желала подавать.
Над глубокою рекою
Да над темною водой
Ты сказал: “Я уезжаю”.
Я сказала: “Бог с тобой!”
Не забыта, не отмыта
Эта старая вина.
У разбитого корыта
Засиделась я одна.
Мне любовь тому порукой:
Если б ты из тьмы возник,
Наплевать, что я старуха,
Наплевать, что ты старик.

* * *

“Скажи мне слова, я мелодией стану”, —
Тебя попросила, когда родилась.
Но ты все молчал, из меня ж непрестанно
Струились слова, словно слезы из глаз.
Над миром вставало холодное солнце,
И дождь растревожил уснувшую боль,
И серый рассвет постучался в оконце,
И серым окрасил твой взгляд голубой.
О чем ты молчал, я о чем говорила,
Не вспомнить уже. И какой в этом прок?
Лишь помню, как дверь за тобой затворила,
Когда ты ушел всей землей из-под ног.

Яблоки

(из цикла "Ностальгия по детству")

Нам жить, постоянством себя согревая.
Пусть я изменилась, и ты не такой.
Но все-таки яблоки мы воровали
Из этого сада над этой рекой!

Забудем, что неповторимо мгновенье,
Опять заберемся в полуночный сад,
И нас никогда не поймают, поверь мне,
Ведь пес на цепи, а хозяева спят.
И нас никогда не поймают, поверь мне,
Ведь пес на цепи, а хозяева спят.

Ну что ж ты, дружище, добытое бросил,
Едва лишь услышав, как пес зарычал?
В ненастную осень, в тревожную осень
Ты яблочной осенью детство встречай!

Забудем, что неповторимо мгновенье,
Опять в озорных превратимся ребят,
И нас никогда не поймают, поверь мне,
Ведь пес на цепи, а хозяева спят.
И нас никогда не поймают, поверь мне,
Ведь пес на цепи, а хозяева спят.

Из цикла “Реквием”

* * *

Бессилье дня бессилье ночи множит.
Рука твоя покорна и легка.
Ты умираешь, ты уже не можешь
Вернуться хоть на миг издалека.
 Прошу для тебя я рая
 У ночи глухой, беззвездной.
 Зачем ты уходишь рано,
 Зачем я живу так поздно?
И не спастись. Лишь ватная усталость.
Кресты деревьев, черных птиц кресты.
Любимый, все, что в жизни мне осталось —
Быть сторожем в доме, где стонешь ты.
И видеть, как в распахнутые двери
Небытие заходит неспеша...
Ведь так и не сумели мы поверить,
Что есть у нас бессмертная душа.
 Прошу для тебя я рая
 У ночи глухой, беззвездной.
 Зачем ты уходишь рано,
 Зачем я живу так поздно?
 Но, может быть, всюю дрожью
 к истокам припав творенья,
 я в этой ночи порожней
 вдруг стану душой твоею?

Содержание

Михаил Крasicов. “И тишина есть пониманье...”	3
“Что может видеть человек...”	6
“Чтоб дух не обратился в прах...”	7
“И ветер из полей...”	8
“Дорога дальняя горька...”	9
Гоголь.....	10
“Шумит прибой. И снова, снова...”	11
“От улыбки зари до печали заката...”	12
“Лишь кости на поле, да ветер завоет...”	12
Средневековые мотивы	
Король.....	13
Палач.....	14
Санчо Панса (Из цикла “Безумцы”)	15
Монолог Жанны д’Арк.....	16
“Она конфеты протянула мне...”	17
12 марта 1801 года.....	18
“Нас уводили ночью темной...”	19
“Приду, чтоб умолять...”	20
“Предательства вкус на губах после сна...”	21
“— Мне снился сон, какой-то странный сон...”	22
“Не хочется драться, и счастье так близко...”	23
“Кит лежит на августовском пляже”	24
Еврейская песня.....	25
“Жизнь тянется по нотам”	26
“Приподнялся, шагнул к порогу...”	27
“О, родные мои, не зовите меня...”	28
Последняя роль.....	29
“Бессилье дня бессилье ночи множит...”	30
“Прошу для тебя я рая...”	30
““Зачем с тетрадкой стихов к тебе я послана? ...”	31
“По одному мы покидаем зал...”	32
Галатея.....	33
“Откуда знакомы пропахший антоновкой сад...”	34
“Кружатся, кружатся листья осенние...”	35
Владимирские мотивы.....	36
“— Бабка, как я петь мечтаю...”	37
Осенняя песня (Из цикла “Ностальгия по детству”)	38
Город детства.....	39
“Войди в мой сон на грани дня...”	40

“Ветер дробью дождя барабанит легонько...”	41
“Задует хмурый ветер берез и кленов свечи...”	41
“Боюсь, что не встречу с тобою...”	42
“О чем ты молчал? Я о чем говорила? ...”	43
“Был уходящий вечер тих”	44
“И без любви могу прожить...”	45
“Разве обрадует лето...”	46
“Всю жизнь боишься ты огня...”	47
Воровка	48
Волчица	49
Цыганка	50
Курортный роман	51
“Из тебя не создать мне идола...”	52
“Над речкой тает лунный свет...”	53
“Когда мне надоело быть собой...”	54
“Милый, наш месяц кончается летний”	55
“На закате костер был неистов...”	56
“Мы туда уплывем, где у реки гнездятся стрижи...”	57
“Что мне делать с тобой, непокорная боль?”	58
Городской романс	59
Романс	60
“Над глубокою рекою да над темною водой...”	61
“В моем распахнутом покое...”	62
“Я верю, ты была...”	63
“Возьми меня к себе в сиделки...”	64
“Не проси, не буду рядом, не жалей о том нисколько”	65
“Любовь моя — вдох без надежды на выдох”	66
Иерусалимские напевы	67
Чинара	68
“Сузилась в небе полоска заката...”	69
“Я тишину нарушила случайно...”	70
“Видишь, как деревья голые...”	71
Эмигрантская застольная	72
“Когда бродячий грустный пес...”	73
“Себя исчерпал ты до дна...”	74
“Я тем, кто всей душою был мне предан...”	75
“Исхода нет моим словам...”	76
“Зачем нам праведная ночь...”	77
“И земляника догорает...”	78
Памяти неизвестного поэта	79
“Неужели все пройдет...”	80
“Завертел Бог планеты и звезды”	81
“Что за нелепая игра! ...”	82
“Я к вечеру уже умру...”	83
“Ах, с ума здесь сойдешь от тоски...”	84

“Здесь, под небом высоким, у знойного дня на краю...”	85
“Откуда эта древняя тоска?”	86
“Жаркий огонь полыхает в камине...”	87
“Если будет призрак мой ...”	88

ПРИЛОЖЕНИЕ

Песни в ритме дождя (триптих)

Рассвет	89
Элегия	90
“Тихо пляшут паутинки...”	91
Мой милый	92
Монолог несостоявшегося поэта	93
Воспоминание о гражданской войне	94
“Над глубокою рекою...”	95
“Скажи мне слова, я мелодией стану...”	96
Предчувствие	97
Яблоки (из цикла “Ностальгия по детству”)	98
“Мой любимый поэт...”	99
<i>Из цикла “Реквием”</i>	100

ISBN 966-03-1501-5



Литературно-художественное издание

Наталья ДОРОШКО-БЕРМАН

ГАЛАТЕЯ
Стихи и песни

Ответственный за выпуск *Е.Е. Захаров*
Редактор *М.М. Красиков*
Корректор *Л.И. Прусская*
Компьютерная верстка *С.И. Удалов*

Подписано в печать 10.07.2001.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5 Усл. кр.-отт. 8,12.
Уч.- изд. л. 9,2. Тираж 1000 экз.

«Фолио»

61002, Харьков, ул. Артема, 8

Отпечатано фирмой «Майдан»
«61002, Харьков, ул. Чернышевского, 59